
Книга 13
Священная гора
Андроникиди Туласи
18+

Туласи Андроникиди
Священная гора. Книга 13

https://litres.ru/74794248
SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о любви, которая выходит за пределы человеческого понимания.

Группа преданных Шиве отправляется высоко в горы, чтобы возвести ступу и провести там 35 дней в священном воспевании мантр. Но у этого путешествия есть особая тайна: Шива обещал явить себя. И обещание становится реальностью, особенно для Шиванги — женщины, которая встречает своего Шиву и узнаёт в нём возлюбленного, а он узнаёт в ней свою Шакти.

Так начинается удивительная история Божественной любви, узнавания и единения двух душ. Но встреча с Шивой становится лишь началом её настоящего пути. Оставив привычный мир, Шиванги уходит в отшельничество, где сам Шива становится её Учителем. Впереди её ждут испытания, препятствия, откровения и глубокие внутренние трансформации.

«Священная гора» — это история о мистической любви, духовном посвящении и преображении женщины, которая через встречу с Божественным открывает истинную природу своей души.

Содержание

ЧАСТЬ 1. Благословение Миларепы 8
Глава 1. Неведанное и непознанное 8
Глава 2. В школьной группе 13
Глава 3. Избранные 17
Глава 4. Ревати 34
Глава 5. Райна 40
Глава 6. Ом Шри Ганеша 45
Глава 7. Модага 57
ЧАСТЬ 2. Восхождение. 64
Глава 8. Знамение 64
Глава 9. Дорога 66
Глава 10. КПП Ручей Белый 74
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Священная гора. Книга 13

«Эта книга написана на основе реальных событий из жизни автора. Все лица, события, диалоги и обстоятельства, изображённые в ней, художественно переосмыслены. Имена, географические названия и отдельные детали изменены или вымышлены. Любое совпадение с реально существующими людьми — как с их согласия, так и без него — а также с реальными организациями и местами является случайным и непреднамеренным. Книга не преследует цели задеть честь, достоинство или деловую репутацию кого-либо. Все изложенные взгляды, оценки и духовные суждения отражают исключительно личный опыт и мнение автора и не являются утверждением фактов о конкретных лицах».

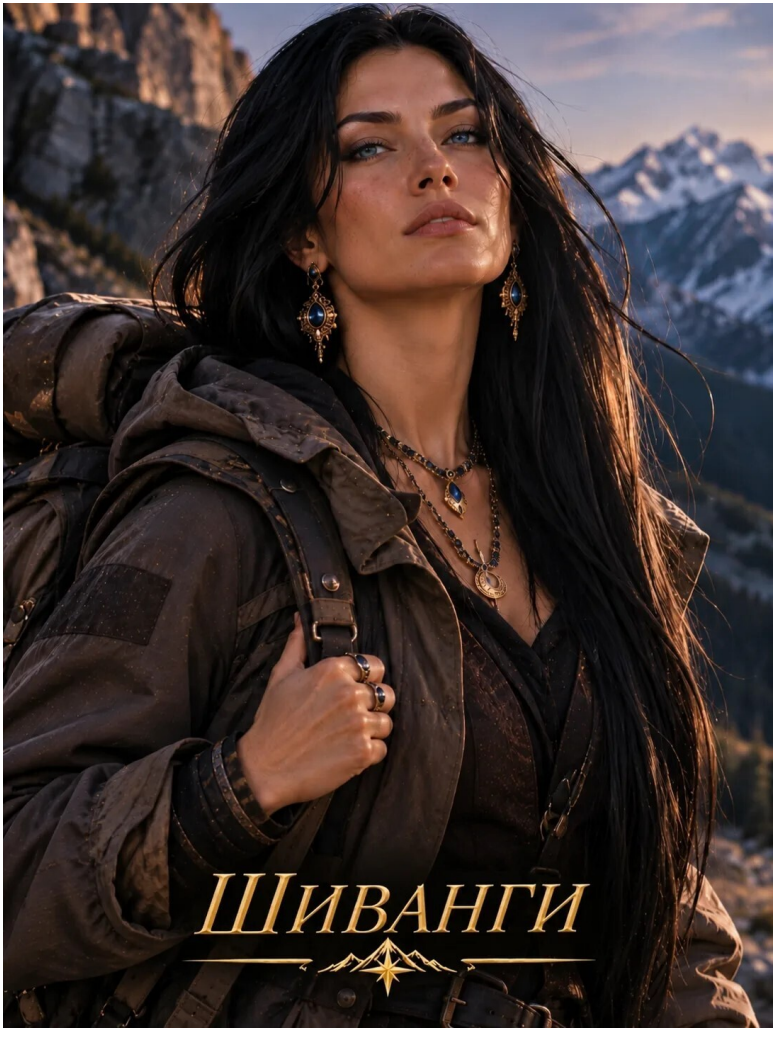
Пролог

В тех местах, где небо прижимается к вершинам, а ветер поёт древние мантры, вера не требует доказательств — она просто ведёт. Мы так сильно верили в наших богов, что вопрос «кто пойдёт строить ступу в горах?» даже не прозвучал. Ответ был в наших шагах, в наших рюкзаках, в тишине перед рассветом.

Два года я поднималась в горы, прокладывая путь, рискуя жизнью, будто сама судьба проверяла: хватит ли у меня смелости быть проводником. И теперь мы снова идём — чтобы сделать то, о чём говорили нам Нараяна и Шива.

Это история не о покорении гор, а о том, как горы покоряют сердца. О том, как общая цель сплетает судьбы в одну крепкую верёвку, где каждый узел — это доверие, каждый виток — испытание, а конец пути — не точка, а начало новой легенды.

И если ты готов слушать, я расскажу, как всё было. Но приготовься: в этой истории правда звучит как сказка, а сказка — как правда. Это моя история и имя мое Шиванги.

ШИВАНГИ

ЧАСТЬ 1. Благословение Миларепы

Глава 1. Неведанное и непознанное

О том, что мы пойдём в горы, мы знали ещё в декабре. Но шёл апрель, и я практиковала цигун с упорством, похожим на одержимость.

Моим учителем стал Миларепа: он приходил ко мне в медитациях и показывал новые практики. Я видела его в пещере — измождённого, потного от инфекционной болезни, невероятно худого. Он сидел, не ложась даже на миг, и в этой неподвижности была такая стальная жажда истины, что она обжигала сильнее любого пламени. Его настырность, его абсолютная преданность пути были настолько велики, что, глядя на него, я остро чувствовала, как далека от этого состояния. Его пример не утешал — он был зеркалом, в котором я видела свои слабости, и всё равно тянулась к этому огню.

Однажды, практикуя вместе с ним, я внезапно оглохла на оба уха. На мгновение меня накрыл холодный, липкий страх: тишина стала плотной, осязаемой, будто меня завернули в вату. Но я не прервалась. Молча, покорно, продолжая делать простирания, я шла сквозь этот вакуум тишины. И через два

дня слух полностью вернулся — будто сама практика подтвердила: я на верном пути.

Оставалось всего несколько ночей до приезда группы, с которой мы должны были отправиться в горы для совершения нашей миссии. А пока я спала на крыльце, на простой раскладушке, приучая тело к холоду, с которым неизбежно столкнусь в горах. Ночь за ночью я раскручивала малый небесный круг из практики цигун. Тепло рождалось внутри, разгонялось по меридианам, согревая меня изнутри, пока снаружи воздух становился всё прозрачнее и злее. Я училась не просто терпеть холод, а превращать его в союзника, в часть своей силы.

Время было около двенадцати ночи. Я крепко спала, убаюканная стылым воздухом и усталостью от дневной практики, как вдруг ощутила, что кто-то коснулся моего тела. Резко, без нежности — мужская ладонь сжала кожу на бедре, будто проверяя, настоящая ли я.

Я распахнула глаза и в ту же секунду поняла: пошевелиться невозможно. Сонный паралич сковал тело, как ледяные цепи. Я могла только моргать, смотреть по сторонам и осознавать себя лежащей на крыльце — ум бодрствовал, глаза двигались, губы шевелились, но тело оставалось мёртвым.

Слева от моей головы возник образ длинноволосого мужчины. Он присел рядом, положил одну руку на мою макушку, словно удерживая сознание, а вторую опустил себе на колено. Его силуэт был прозрачным, сотканным из сумрака и

дрожащего лунного света. И он повторял, громко и спешно, будто от скорости повторения зависела моя жизнь:

— Ом Ваджрасатва хом. Ом Ваджрасатва хом…

— Миларепа, ты ли это? Что происходит?! — спросила я, хотя из горла вырывался лишь беззвучный шёпот. Тело не слушалось, но страха не было.

И тут, у моих ног, в области колен, появилось ещё одно присутствие. Я не видела силуэта — только ощущала касание чужих рук. Чувствовала, как у моих согнутых в коленях ног кто-то стоит. А потом его ладонь легла мне на бёдра и с грубой силой начала раздвигать ноги.

Я собрала всю волю, всю выученную годами дисциплину и начала поднимать таз, сдвигая ноги вместе с отчаянной, звериной силой. Каждое микродвижение давалось, как раскалывание льда. Я боролась не с призраком — я боролась с собственным телом, которое отказывалось подчиняться. И эти усилия, эти судорожные рывки наконец прорвали пелену паралича.

Подвижность вернулась внезапно, будто кто-то щёлкнул выключателем. Я резко села, оглядываясь по сторонам, и увидела только пустую темноту. Ни Миларепы, ни того, другого. Оба исчезли, растворившись в ночном воздухе, как дым.

Страх накрыл меня волной, густой и тяжёлой. В голове билась одна мысль: если такое происходит здесь, на крыльце родного дома, что ждёт меня в горах, где небо прижимается

к земле, а тишина звенит, как натянутая струна?

Но я не дала страху пустить корни. В ту же секунду, будто швыряя вызов самой тьме, я произнесла вслух, твёрдо и громко, так, чтобы даже ветер услышал:

— Шива, я готова. Я пойду в горы. Мне не страшно. Пусть и там сколько угодно раз произойдёт подобное. Я пойду. Я готова. Я не боюсь!

И страха и правда не осталось. Не было и вопросов о том, что это было и зачем. Как будто сама решимость сожгла все сомнения.

После того, как я приняла случившееся и показала свою готовность идти в отшельничество, голос Шивы прозвучал внутри меня — не ушами, а каждой клеткой:

— Я взял тебя в свои жёны, Шакти, но не дал тебе твоих прав — прав жены. Ты пойдёшь в горы, и там ты увидишь меня. Я приму форму, с которой ты даже будешь иметь интимную связь. Ты получишь свои права, — и он показал мне образ: форму и размер мужского органа, резкий и откровенный, как удар молнии.

— Шива, ты примешь человеческую форму? Или ты будешь подобен тому призраку, что посетил меня сегодня? — спросила я, не отводя взгляда от темноты, будто он всё ещё стоял передо мной.

Он не ответил. Но с тех пор почти каждую ночь я просыпалась в оргазме. Тело жило своей отдельной жизнью, содрогаясь и расцветая без моего участия. А я лежала, отстра-

нённая, наблюдая за этим, как за чем-то чужеродным. Без заинтересованности я ждала, когда тело наконец отпустит, устанет, утихнет, и снова пыталась уснуть. За годы практики воздержания я смогла освободить себя от жажды, от похоти и страсти. Эти ощущения жили в теле, но я осознавала себя отдельной от них, холодной и спокойной, как камень посреди бурной реки. Я не могла объяснить, почему всё происходит именно так.

Глава 2. В школьной группе

Вечером на занятиях в школе Кимнаро я обратилась к группе, глядя прямо в экраны, на горящие вниманием глаза девчонок:

— Шива сказал, что, поднявшись в горы, мы будем созерцать его форму. Только я не знаю, будет ли это его физическая форма или та, что приходила ко мне в виде призрака. Я свободна от идеи быть в какой-то близости с мужчиной в этой жизни. Мои глаза уже давно перестали смотреть в сторону мужского населения. Глядя на кого бы то ни было, я вижу только человека. Не разделяю, не акцентирую своё внимание на том, кто передо мной — мужчина или женщина. Быть с кем-то, отношения мужчин и женщин — всё это давно не интересно мне. Всё, чего я хочу, — это глубокой практики, знаний, которые были у Миларепы. Встречи с Шивой. И, конечно, говоря вам о том, что Шива сказал, я бы хотела встретить его мистический образ, нежели чем встретить мужчину.

Девчонки слушали, не перебивая, и в их глазах я видела не скепсис, а чистое, жадное любопытство — будто они были готовы шагнуть за мной туда, где реальность становится тоньше и сквозь неё проглядывает вечность.

— Я тоже хочу увидеть Шиву! — не скромно, а прямо, даже с вызовом сказала Брахмани. В её голосе не было ко-

кетства, только упрямая жажда однажды увидеть Шиву.

В этот момент в чате повисла тишина. Не неловкая, не тяжёлая — а такая, когда воздух становится гуще, будто в него добавили запах ладана и горного ветра. Девчонки на экранах замерли, кто-то задержал дыхание, кто-то чуть наклонился вперёд, словно пытаясь разглядеть в моём лице подтверждение: правда ли это? Неужели всё, что я рассказываю, — не метафора, не красивая притча, а то, что происходит прямо сейчас, в этой реальности?

Ученики школы Кимнаро стали не просто слушателями, а частными свидетелями проявленности Шивы в моей жизни. Почти всё, что со мной происходило, разворачивалось у них на глазах — или тут же становилось известно, обрастало деталями, пересказывалось, проживалось вместе. Сначала это были только истории на моих устах: видения, практики, странные знаки, сны, которые не хотелось называть снами. А потом начали появляться события — такие, мимо которых не пройдёшь, не скажешь «показалось». И когда я сказала, что мы узрим Шиву, ни у кого не осталось и тени сомнения. Не было споров, не было «а вдруг это аллегория», не было осторожного «ты имеешь в виду внутренний образ?». Они просто приняли это как факт, как прогноз погоды: завтра будет дождь, а на перевале мы увидим Шиву.

Теперь все только гадали, в какой из своих форм он будет.

— Может, это будет столб света над вершиной, — шептала Шанти, будто боялась спугнуть слово.

— Или скала примет его очертания, — добавляла Нараянги, учитель школы, и в её голосе слышалась не фантазия, а спокойная уверенность человека, который уже видел невозможное.

— А вдруг он придёт как путник? В простой одежде, с посохом, и мы пройдём мимо, не узнав, — предположила одна из новеньких, и все на секунду представили эту сцену: как мы спешим по тропе, нагруженные, уставшие, и проходим мимо самого главного.

А Брахмани снова встряхнула головой, будто сбрасывая эти мягкие догадки:

— Нет. Я хочу увидеть его так, чтобы сомнений не осталось. Чтобы он встал перед нами во всей своей мощи. Чтобы земля дрогнула, а небо стало ближе.

И в этом её желании не было дерзости — была та самая преданность, которая не просит полутонов. Она хотела не просто «знака», а встречи лицом к лицу. Такой, после которой уже нельзя будет сказать «мне показалось».

Я слушала их и не пыталась никого остудить, не говорила «не загадывайте», не напоминала о символизме. Потому что знала: в горах символы становятся плотью. Там мантра — это ветер, а образ божества — это свет, который ложится на скалы и делает их живыми. И если мы идём туда с открытым

сердцем, то реальность подстроится под нашу веру. Не ради чуда, а потому что сама высота — это уже чудо, которое требует полной искренности.

— Мы увидим его, — сказала я тихо, но так твёрдо, что все снова посмотрели на меня, будто проверяя, слышу ли я сама себя. — Не знаю, в какой форме. Может, это будет свет. Может, скала. Может, случайный путник, который скажет нам ровно те слова, которые мы должны услышать. Или это будет тишина, такая глубокая, что она сама станет его голосом. Но мы увидим. Потому что мы идём не просто в горы. Мы идём туда, где тонкая грань между внутренним и внешним становится почти невидимой. И там он проявится.

Брахмани улыбнулась — не радостно, не легко, а так, будто приняла вызов, который сама же и бросила:

— Тогда я готова. Пусть будет как будет. Главное — не пропустить.

Глава 3. Избранные

Декабрь 2024-го. В тот вечер воздух будто стал гуще — будто горы, до которых ещё было далеко, уже тянули к нам невидимые нити. Мы впервые узнали про поход.

Миларепа сказал мне прямо, в одной из медитаций, которую он проводил со мной в роли моего учителя:

— Кто пойдёт строить ступу — получит от меня сверхъестественную защиту. Каждый, кто положит хоть один камень, будет под моей охраной.

Я передала слова группе. И девчонки начали отвечать — каждая со своим «но», со своей правдой, и в каждом ответе слышалось, как внутри у них что-то щёлкает, встаёт на место.

— Я пойду! — заявила Брахмани,— Это мой первый поход. Без мужа… В Сочи… Да, поеду.

— А мне сон приснился: с нами будет мужчина, хоть мы и идём женским составом. Я тоже иду, — сказала Нараянги, и в её голосе не было сомнений — только спокойная уверенность, с какой говорят о том, что уже случилось где-то в другом слое реальности.

— Хочу, но надо с папой разобраться, — тихо добавила

Рукмини, и тень прошлого скользнула по её словам, как тень от облака по склону.

— Я пойду, — почти шёпотом сказала Шанти, и это тихое «пойду» прозвучало твёрже любого клятвенного обещания.

— В горах мне не очень, а вот у реки было здорово. Но это наше учение — пойду. Только подъём на лошадях меня пугает, — вздохнула Ульяна, и в этом вздохе слышался честный разговор с собственным страхом.

Нас стало шестеро. Потом Нараянги сказала: с ней поедет сын Мангал — стало семеро.

Восьмой оказалась Райна. Обычная девушка из канала «Шивая Намаха». Раньше сыпала шутками в комментариях, будто пряталась за ними, а тут позвонила — и в трубке слышался плач, тихий, без надрыва:

— Почему у тебя всё так сложно? Почему на грани выживания?

Я рассмеялась — не зло, а от того странного облегчения, которое приходит, когда кто-то наконец видит всю тяжесть пути и не отворачивается:

— Знаешь, как Шани Дев шёл к Шиве на Кайлас? Его заносило снегом, скидывало ветром, он полз голодный — и всё равно дополз. Если ему было трудно, с чего мне должно быть

легко?

Она затихла. Не стала спорить, не стала искать утешения — просто слушала. Потом тихо спросила:

— Можно я с вами? Я твою шестую книгу раз пять перечитала. Герои мне как родные.

— Конечно. Теперь ты часть истории, — ответила я, и в тот момент мне показалось, что где-то далеко, среди скал и ветра, кто-то кивнул — будто маршрут уже принял ещё одну тень.

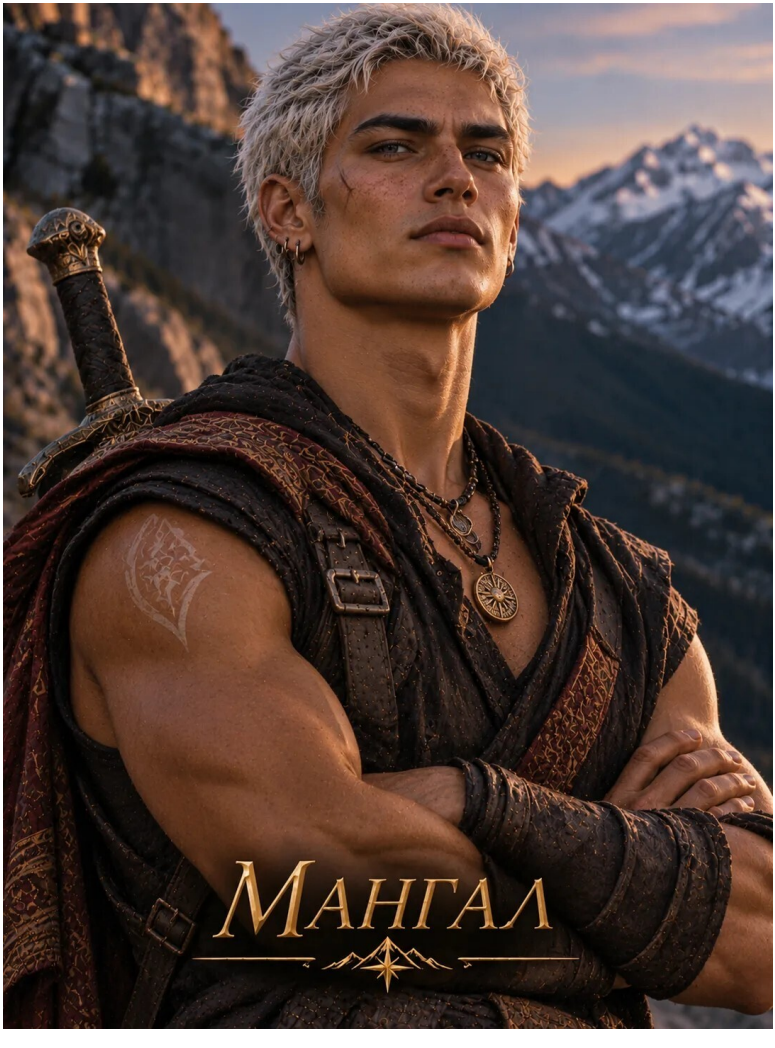
Девчонки запустили сбор на ступу. И люди откликнулись — не просто деньгами, а чем-то большим: письмами, короткими историями, именами, которые просили вложить в кладку. Будто каждый понимал: ступа — это не только камни, это память о тех, кто протянул руку издалека.

Мы собрали хорошую сумму. Составили список всех, кто помог, — пообещали вмуровать листок с именами в кладку. И мы это сделаем. Потому что в горах случайностей не бывает: если имя легло на бумагу — значит, оно должно стать частью стены, частью тишины, частью пути.

Шанти

Рукмини

НАРАЯНГИ

МАНГАЛ

Брахмани

Ульяна

Райна

Глава 4. Ревати

Освободив своё пространство от тёти Римы — завершив с ней дружбу, когда стало ясно, что она только берёт, ничего не отдавая взамен, — я будто сбросила тяжёлый плащ. И сразу почувствовала, как меня потянуло к другим людям — к тем, в ком звучит другой внутренний ритм, не про «вытянуть», а про «вместе».

Так я и встретила Ревати.

Пару лет назад она купила дом в самом начале нашей улицы, у основания оползневого участка — там, где дорога будто сама не хочет держаться на склоне и норовит сползти вниз. Высокая, стройная, с голубыми глазами и светло-русыми волосами, подстриженными под каре. Она жила тихо, почти незаметно. Долгое время я знала о ней только по красной маленькой машинке, что каждый день стояла у дома, будто яркий маркер среди пыльной улицы.

Всё изменилось, когда объявили собрание соседей — по делу о воде. Наконец-то нужно было навести порядок: собрать списки, зафиксировать, кто за что платил, кто сколько вложил, и кому на самом деле принадлежит право на подключение.

Ревати пришла, скромно присела на уличную лавочку и стала записывать фамилии, аккуратно вписывая каждого в общий список. В воздухе висело напряжение: все знали, что

сегодня решается не просто бюрократический вопрос, а вопрос справедливости.

— Дорогие соседи! Сегодня на повестке дня: Ролл свои полномочия сложил и передаёт их снова Зауру, — громко сказал Урик, собирая всех в круг.

Ролл стоял в центре и улыбался, как и раньше. Но теперь в этой улыбке было что-то другое — будто он наконец понял, что нельзя раздавать обещания, зная, кто на самом деле держит кран. Рядом с ним брат Аиры — тот самый, от чьего слова сейчас зависело, останется ли у нас вода или мы снова окажемся на грани. Он смотрел, слушал, вникал. Все следили за ним, затаив дыхание: вдруг он скажет «хватит» и отрежет нас от источника?

Собрание шло тяжело, оказалось, двое соседей давно и ловко всех обманули. Один протянул воду к себе за 80 000 рублей, а потом продал половину этого подключения другому за полцены. Оба пользовались водой, а платили — другие. Никита, новый владелец половины, теперь делал вид, что он главный инвестор, и в чатах соседей ловко подменял факты: брал деньги у Ревати, вкладывал их, а выдавал за свои, ни разу не упомянув её имени, а ее на тот момент в чате и не было.

Пока все спорили и сверяли чеки, я подошла к Ревати — она всё ещё сидела на лавочке, держа в руках список, будто он был единственным якорем в этом шторме слов.

— Привет. Меня зовут Шиванги. Я там, выше живу, —

показала пальцем на дом на углу улицы.

— Привет. Меня зовут Ревати.

— Мне вчера звонил твой сосед Никита. У вас же на одной точке подключено два дома? Так вот, он считает, что тебя надо отключить. Насколько мне известна ситуация, твой дом подключён, за подключение ты заплатила, а после Никита оплатил половину стоимости и подключился к вашему дому, игнорируя замечания всех нас.

— Никита сказал, что в группе по воде люди возмущаются, что я не складываюсь на насосы и другие работы. Он всё время мне писал, на что и когда надо сдать, и я сдавала. Каждый раз, — спокойно, без обиды, говорила она.

— Как интересно! А он сдавал как за свой дом! О тебе ни слова не говорил. Но то, как он подключён, — это неправильно. Мы все сложились деньгами в равных долях. Он должен был решать свой вопрос честно с хозяином воды Зауром.

— Ну, мне сказали, что, скорее всего, меня отключат и надо будет заплатить сто тысяч за подключение, — так же ровно, без паники, сказала она.

В её голосе не было ни злости, ни оправданий — только тихое принятие. Будто она заранее знала: если придётся пла-

тить ещё раз, она заплатит. Если придётся остаться без воды — она это переживёт.

— Надо поговорить с Аирой, Заур ее муж. Это её вода, ей и решать, — сказала я.

Аира, узнав всё как есть, вместе с Зауром приняла решение: подключение оставить у того дома, который это подключение оплатил. А Никиту от воды отрезали. Просто, жёстко, справедливо.

И тут я вдруг поняла: Ревати показала мне пример не слабости, а настоящей внутренней силы. Она не боролась с ветром — она стояла прямо, позволяя ему дуть. Не доказывала, не кричала, не пыталась перекричать несправедливость. И жизнь сама расставила всё по местам: её дом и семья остались с водой.

После этого она не просто стала «ещё одной соседкой». Она стала частью нашей идеи. Когда пришло время встречать восходителей — тех, кто поедет строить ступу в горах, — Ревати села в свою красную машинку и поехала на вокзал. Без лишних слов, без пафоса. Просто потому, что теперь она была с нами.

РЕВАТИ

Глава 5. Райна

Я переживала не меньше девчонок, пока они добирались до места — кто на вокзалы, кто сквозь пробки, будто сама сидела с каждой из них в душном вагоне или в застывшем в потоке авто. Сердце сжималось от каждого их сообщения, и только когда приходили видео и фото — вот они в поезде, вот устроились на полках, вот мелькают за окном поля и мосты, — внутри становилось чуть тише. Будто каждый такой кадр был маленьким «я здесь», и этих «я здесь» становилось всё больше.

Первой, ранним утром 19 июня, до меня добралась Райна. Я так хотела встретить её на машине, но не смогла: накануне выпила с Ромой и Дармой — и впервые за семь лет алкоголь снова ворвался в мою жизнь. Утром мир кружился перед глазами, как в сломанной карусели, и я могла разве что держаться за стены, чтобы не упасть.

Райна приехала на такси. Я вышла к воротам, едва успев собрать себя в кучу. И вот она — впервые наяву, не на фото, не в чате. Высокая, стройная, с короткими пепельными волосами, а на лице — улыбка во все зубы, будто она привезла с собой солнце. В каждом её движении сквозила эта привычная ей лёгкость, а в голове, наверное, крутились всё те же подкольчатые комментарии — те самые, что всегда заставляли меня смеяться до слёз.

— А вот и я! — выйдя из такси и увидев меня.

— Ура-а-а! — крикнула я и шагнула к ней, чтобы обнять, забыв про головокружение. — Давай помогу с сумками. Проходи. Покажу тебе наш двор и дом.

— Да у меня сумок немного. Я сама. Пошли. Чего не встретила меня? Обещала же! — спросила она, когда мы шли через двор, и в этом упрёке не было обиды — только тёплое, почти детское ожидание: «Ты же обещала. Я верила».

— Напилась я. Семь лет не выпивала. Не рассчитала, — призналась я, не прячась, не придумывая красивых оправданий. Просто выложила правду, как камень на стол: тяжёлый, но настоящий.

Рим только просыпался — потягивался на кухонном диване, будто каждое движение давалось ему ценой долгих раздумий. Услышав женские голоса, он, так же ловя перед глазами эти упрямые «вертолётики», вышел на улицу.

— Привет. Я Рим, — сказал он, немного щурясь от утреннего света.

— Привет. Райна, — улыбнулась она и тут же, не раздумывая, пошла обниматься с Шивалингамом — будто знала его всю жизнь, будто это был самый естественный жест на свете.

Из дома вышли Мангалам и Дарма — подруга семьи. Мангалам сразу обхватила Райну в крепких объятиях:

— Ну наконец-то доехала!

Мы все двигались по дому, как сонные мухи, будто кто-то убавил скорость нашей жизни до минимума. Райна болтала с Шивалингамом, Дарма колдовала над кастрюлей — варила щи с куркумой, и по дому растекался густой, пряный аромат, который будто сам по себе начинал лечить и согревать. А мы с Ромой то валялись на кушетке, то пересаживались на диван, пытаясь собрать себя по частям, вернуть ясность взгляду, успокоить раскачивающийся пол.

Когда щи были готовы, мы уселись за круглым кухонным столом — все вместе, плечом к плечу. И в этом простом жесте — в ложке горячего супа, в тёплом взгляде, в неловком смехе над собственной слабостью — было что-то настоящее. Не героическое, не возвышенное, а самое живое: мы были здесь, мы были рядом, и этого хватало.

Комментарий от Райны

«В чате канала „Шивайя Намаха“ я узнала, что Шиванги пишет книги: о себе, о школе Кимнаро, о событиях в её жизни. Через книги стала проникать всё глубже, начала узнавать особенности героев этих рассказов. Читала постоянно, ночами, когда было свободное время. Мне показалось, что, прочитав книгу 6 „Школа Кимнаро“, я будто бы знала всех. И очень сильно жаждала встречи с ними: мне с каждой из них хотелось поболтать, узнать, просто увидеть их лица, глаза. Наступил тот час: я увидела их уже у поезда в Лоустоуне. Встреча была „жаркой“. Приехав домой к Шиванги, мы просто были одной семьёй, одним целым. Было ощущение, что я встретила родные души, которых, ко-

гда-то знала ранее».

Глава 6. Ом Шри Ганеша

19 июня 2025 года, 11 часов. Воздух звенел от предвкушения — будто сам день был натянутой струной, и достаточно было лёгкого касания, чтобы он запел.

— Ну что, Райна, нам пора ехать за девчонками на вокзал!

Мы все сидели на крыльце, будто боялись расплескать это чувство, пока не наступит нужный час. Тени от крыши ложились на ступеньки ровными полосами, как отметки времени, и каждая из них казалась вехой на пути к чему-то большому.

— Поехали, Шиванги! — Райна вскочила со ступенек, и в этом порыве было столько жизни, что даже утренняя сонливость будто стряхнулась с нас, как пыль с одежды.

Рим пошёл открывать ворота. Мы сели в машину, я завела дизельный движок Гаруды — он отозвался низким, уверенным рокотом, будто и сам знал: сегодня не просто поездка, сегодня начало пути. Мы тронулись, и за воротами, со стороны своего дома, нам навстречу шла Виджая — она направлялась к своему автомобилю. Она и Ревати тоже приняли участие во встрече наших девчонок.

На трёх машинах мы приехали на вокзал, припарковались и вчетвером пошли вперёд — как маленький отряд, которому поручили самое важное дело: вернуть всех домой, собрать разлетевшиеся части в одно целое.

Для меня это была встреча века. Брахмани, Нараянги, Шанти, Рукмини, Ульяна, Мангал — я шла по перрону и видела их издалека. Их вагон стоял в самом конце поезда, в его хвосте, будто специально прятал их от чужих глаз до этого самого момента. Они уже стояли на улице, вокруг них высились огромные сумки, а розовые косички Ульяны светились на солнце, как маячки. Мы быстрым шагом шли в их сторону.

— Привет! — я не могла передать ни словами, ни объя-

тиями ту радость, что переполняла меня, она просто переливалась через край и растекалась вокруг. — Девчонки, знакомьтесь: это Ревати, Виджая, Райна. Наконец-то теперь вы все знаете, как они выглядят. Давайте сумки. Поедемте домой, а там уже все наобнимаемся и наговоримся.

Ревати, Виджая и Райна тут же подхватили сумки — каждая взяла по одной, что-то взяла и я. В этой суете, в этом торопливом движении было столько тепла, что даже тяжесть багажа казалась не грузом, а знаком: мы несём не просто вещи, мы несём начало общего дела. Спешно мы вышли с вокзала, разместились в трёх машинах и помчались в сторону дома, где нас ждали Мангалам, Дарма и Рим.

Подъезжая ближе к домам Ревати и Виджаи — они живут на одной улице с моим домом, — мы начали сигналить, громко, радостно, подобно свадебной примете: пусть весь мир знает, что сегодня случилось что-то хорошее. Мангалам, Дарма и Рим, услышав сигналы, вышли на улицу и открыли ворота.

Это встреча века! Мы так давно не виделись и не собирались таким дорогим составом. И именно идея подъёма в горы, строительства ступы в горах дала нам не только возможность совместного путешествия — она дала саму эту встречу, когда каждый человек на своём месте, и пазл наконец складывается.

Суета, нас много, и хочется поговорить отдельно с каждым, обнять, заглянуть в глаза, убедиться, что все здесь, все

настоящие. Кто-то пошёл купаться, кто-то — есть. Рим и Дарма держались вместе на кухне — они были сторонними наблюдателями этого грандиозного события, но в их спокойных взглядах читалось: они тоже чувствуют, как сегодня воздух гуще обычного, как день стал шире.

— Девчонки, нам надо провести Ягью Ганеше и выезжать в сторону Бабук Аула, — я собрала всех взглядом, и разговоры стихли, как ветер перед грозой.

— Серго сказал, что он уже спустил лошадей и ожидает нас. Надо только в магазин съездить: он попросил привезти ему сигарет и хлеба, — сообщила Брахмани, и даже эта бытовая деталь прозвучала как часть большого плана, как последний штрих перед стартом.

Все двигались слаженно, будто мы годами репетировали этот момент. Наряянги готовилась вести Ягью: выкладывала дровишки ровными рядами, как ноты в мелодии.

Виджая смешивала крупы с кунжутом и куркумой, и пряный запах кружился в воздухе, обещая защиту и силу. А все остальные выносили на больших золотых тарелках подноше-

ния и выставляли их вокруг Шивалингама. Образ Ганеши в сверкающих на солнце разноцветных бусинах смотрел на нас, стоя рядом с Шивалингамом, — и казалось, что он не просто наблюдает, а уже участвует в нашем деле.

— Ну что, все готовы? — спросила я, когда девчонки расселись вокруг Нараянги, и тишина стала такой плотной, что в ней можно было услышать собственное сердце.

— Готовы! — ответили они, и этот хор голосов прозвучал как клятва.

И тогда я затрубила в конх. Три затяжных гудка разлетелись над двором, над крышами, над улицами, будто звали не только богов, но и саму дорогу открыть нам путь.

Наряянги совершила обряды и начала читать мантру:

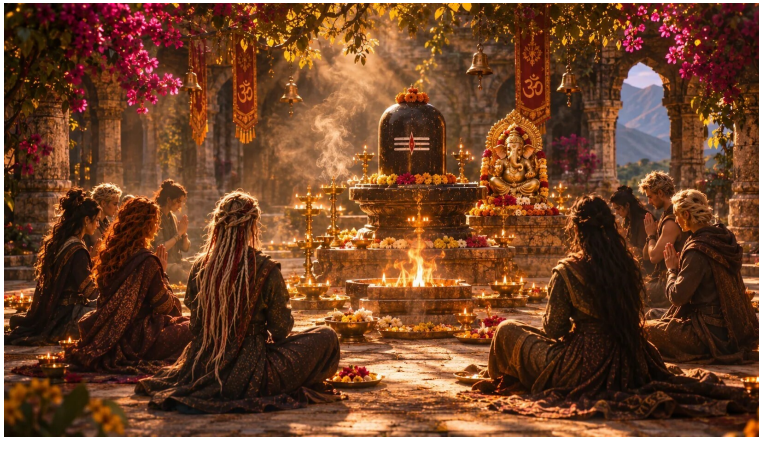
— Ом Шри Ганеша Бхайрава Кала Хом. Ом Шри Ганеша Бхайрава Кала Хом.

Мы обратились к Ганеше в трёх его формах — чтобы он убрал все препятствия, чтобы он дал нам силу видеть ясно, чтобы он защитил нас на каждом шаге. Мы читали мантру, и даже соседи не включили музыку, хотя некоторые из них вполне могли так поступить. Может, они просто наблюдали за нами со своих дворов, а может, и сами почувствовали: сегодня нельзя шуметь, сегодня нужно дать тишине место.

— Ом Шри Ганеша Бхайрава Кала Хом, — вслух, как и все присутствующие, много раз повторяла я, а в голове и сердце обращалась к Ганеше с самой своей болью:

«О, Шри Ганеша! Я испытываю такую сильную боль в сердце, уходя впервые в жизни надолго из дома и из семьи. Мне так больно и грустно, что я расстаюсь со своей младшей дочкой, к которой я так привязана. Я осознаю эту привязанность. Она душит и меня, и ребёнка. Я прошу тебя, Ганеша, освободи нас всех в семье от привязанности и от страданий, будучи в разлуке друг от друга. Мне так тяжело на сердце, потому что меня душит тоска, хотя я ещё не покинула дом. Помоги нам, помоги мне преодолеть это!»

И вдруг стало мне на сердце легко-легко, хорошо-хорошо, тихо-тихо. Будто чья-то большая тёплая ладонь легла на грудь и убрала тяжесть, которую я носила столько дней. Тоска не исчезла совсем — она просто перестала быть ножом, а стала тенью, которая не мешает идти.

Комментарий от Мангалам

«Мы так долго к этому готовились, и вот они приехали — энгельсские девочки. Не ожидала от себя такого, но на глазах слёзы, как будто наконец-то дождалась самых близких людей. Было очень приятно хлопотать вокруг них. Столько шума, восторга, радости наш дом ещё не видел.

Это удивительное чувство родства. Первой приехала Райна — незнакомая девочка. Она, видимо, немного переживала, как её встретят. Но она сразу понравилась своим спокойствием. В ней не было стремления понравиться — и именно поэтому она понравилась.

Наш бедный маленький дом: нас, членов семьи, — четверо, двое сочинцев — Рома и Дарма, приехавшие накануне,

Райна и семеро энгельситов. Как он нас всех уместил? Но смог. И, странно, но мне не было тесно — было комфортно

Утро, подготовка к Ягье. Потом сама Ягья, немного сумбурно, но и она закончилась. Сборы для подъёма на Фишт. Пришли машины, стали грузить вещи, чуть не забыли доски. И вот все закончилось, уехали и тишина, но не пустота, а передышка в семь дней, когда они вернутся. Интересно все ли «выживут», я не в физическом плане, а в духовном. Каким он будет результат этого подъема?»

Глава 7. Модага

Два года тому назад я увидела образ Нараяны. Он стоял передо мной — не как фигура из плоти, а как свет, очерченный тенью.

— Ты готова? — спросил он, и в этом вопросе не было ни упрёка, ни спешки — только спокойная ясность, от которой становилось холодно и одновременно страшно.

Я поняла, о чём он спрашивал меня: о моём согласии на просветление и освобождение от ума, на выход из той сети, что мы сами ткём из страхов и привязанностей. И я испугалась — так сильно, что голос мой дрогнул, а в груди всё сжалось.

— Дай мне ещё год, Нараяна! Ещё год побыть со своей младшей дочкой, Моданикей! — выпалила я, будто этот год мог стать щитом между мной и тем, что ждало впереди.

Он улыбнулся — не снисходительно, а с той тихой добротой, с которой боги смотрят на человеческие слабости, не отвергая их, а принимая как часть пути.

— Хорошо! — сказал он и исчез, растворившись в воздухе, как утренний туман под солнцем.

Позже я осознала, что именно он мне показал: путы, что связывают нас, — в виде бесконечного кишечника, тонкой, извилистой нити, которая опутывает каждого, сплетая нас друг с другом в единую, дышащую сеть. Мы все как будто об-

мотаны ею и связаны между собой, и каждая привязанность — это узел, который одновременно держит и ранит. Я цеплялась за эти узлы, потому что они были моими: в них жила любовь, в них жило материнство, в них жила сама моя суть. И мысль о том, чтобы освободиться от этого, казалась мне не освобождением, а предательством.

Прошёл не год, а два. И час икс настал.

Я сижу на своём диване, и тишина в комнате становится почти осязаемой. За окном шумит привычный мир, но здесь, внутри, всё замерло. Я осознаю: через три дня я отправлюсь надолго в горы, в практику отшельничества, туда, где слова теряют вес, а чувства становятся камнями, которые нужно нести.

В глазах появилось напряжение, давление — будто сама реальность пыталась удержать меня здесь, вдавливая в этот диван, в этот дом, в эту привычную жизнь. Глаза налились слезами, и слёзы не бежали, а стояли, тяжёлые и горячие, как расплавленный воск.

— Шива, как трудно мне расстаться на это время с младшенькой! Как душит меня уже сейчас боль от расставания с ней! Как я переживу это? Как перенесу? — шептала я в пустоту комнаты, и казалось, что даже стены слушают меня, не отвечая, но и не отвергая.

А 19-го числа, когда дом кишел гостями, когда голоса, смех и суета наполнили каждый угол, я зашла в комнату дочери. Она лежала на спине на кровати, в которой они до сих

пор спят вместе с бабулей, и тыкала в планшет, будто экран был единственным якорем в этом вихре событий. Она увидела меня, но продолжила делать то, что делала, — и в этом её обыденном движении было столько правды, столько жизни, что у меня защемило сердце.

Я присела на кровать в области её ног и тихо, почти шёпотом, спросила:

— Ты отпускаешь меня надолго в горы?

Я не ждала какого-то особенного ответа. Мне хотелось просто слышать её голос, ловить интонации, впитывать каждое слово, как человек, который знает, что впереди будет тишина, и хочет наполнить себя звуками, пока есть такая возможность.

— Нет, не отпускаю! Я не хочу лето, потому что ты должна уйти! — ответила она, не отрываясь от экрана, и в её словах не было драмы — только чистая, детская правда, без прикрас.

— Нет. Тебе придётся меня отпустить. Дай своё согласие и разрешение! — продолжала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от этой необходимости услышать её «да», даже если оно будет вымученным.

— Нет, не дам. Я не разрешаю тебе! — сказала она и в этот момент убрала планшет в сторону, поджала ноги, притянув колени к груди, и посмотрела на меня. В её взгляде не было злости — только обида, такая прозрачная и настоящая, что она пронзала сильнее любых упрёков.

— Ну хорошо, тогда я останусь и всё лето буду заставлять тебя работать! — пошутила я, пытаясь хоть немного рассеять эту тяжесть.

Она помолчала секунду, потом вдруг улыбнулась — лёгкой, чуть хитрой улыбкой, в которой было столько её, такой родной, такой моей:

— Как всегда. Нет. Езжай в горы!

— Хорошо, что разрешила! — прошептала я, и в этих словах было столько благодарности, что они едва умещались в груди.

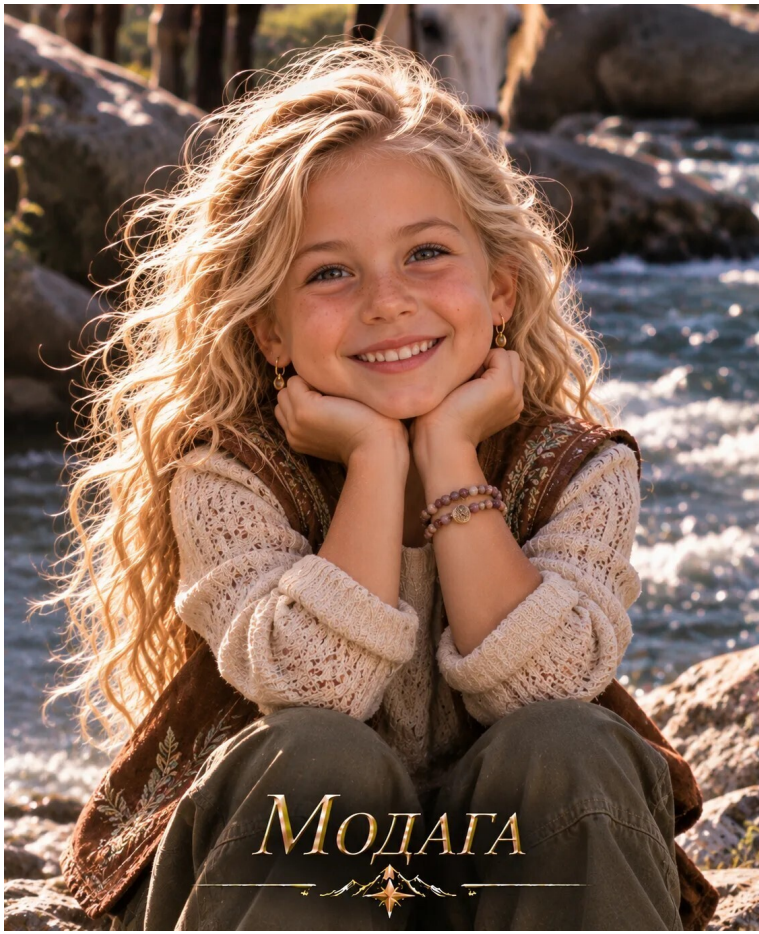
Я взяла её на руки и занесла на кухню, где за столом сидели девчонки. Мне хотелось прижать её к груди и не отпускать, раствориться в этом тепле, в этом запахе, в этом ощущении, что она здесь, рядом, живая, настоящая. В комнату зашла Есита и свободной рукой обняла её, и мы все на мгновение замерли — как будто время решило сделать глубокий вдох перед тем, как снова побежать вперёд.

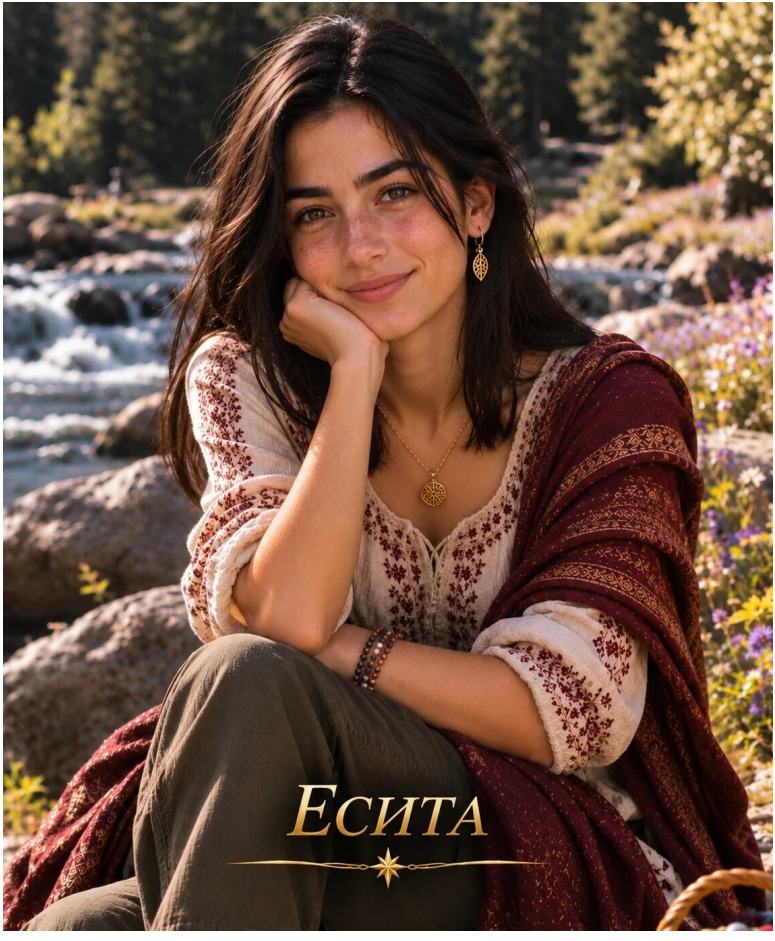
— Зачем ты так надолго уходишь? — тихо, почти шёпотом спросила старшая дочь, и в этом вопросе слышалось не обвинение, а просьба: «Останься хотя бы ещё на минуту».

— Потому что так надо! Всё будет хорошо! — ответила я, стараясь вложить в эти слова столько уверенности, чтобы её хватило на нас обеих.

И компания начала заниматься сбором рюкзаков и вызовом такси до Бзоги. Движения стали быстрыми, деловыми, но в каждом из них чувствовалось напряжение — как перед

прыжком в холодную воду: ты знаешь, что будет холодно, но уже не можешь остановиться.

Есита

Комментарий от Ульяны

«Вторым и более существенным, затяжным для меня испытанием в этом походе было расставание с семьёй. Особенно сильна была привязанность к дочке. По ней я начала скучать ещё дома. На Фиште же для меня эта привязанность стала практически невыносимой. Добавились холод, отсутствие горячей воды, жёсткое ложе для сна — в общем, физический дискомфорт, — и меня прорвало на слёзы. Они просто лились какими-то неуправляемыми ручьями.

И тут, Шиванги, огромная благодарность тебе за неравнодушие к нам, за желание и умение помочь нужными словами в тяжёлый момент. Там началось моё исцеление от этой привязанности, которая приносила только страдания».

ЧАСТЬ 2. Восхождение.

Глава 8. Знамение

На трёх машинах — на моей Гаруде и двух белых джипах, заказанных в такси, — мы начали движение в сторону гор. Завели двигатели, выстроились в линию, друг за другом, будто не автоколонна, а маленький караван, отправляющийся за пределы обычного мира. Моя машина была полностью забита вещами и шла самой последней — словно замыкающая, та, что держит тыл и не даёт дороге разорвать нас на части. Рядом со мной на пассажирском сиденье разместилась Брахмани, и в её молчании чувствовалась собранность: она знала, что впереди не просто дорога, а рубеж.

Мы тронулись. Поравнявшись с забором своего двора, я крикнула, перекрывая шум мотора:

— Хар Хар Махадев! Я вернусь сама Магом!

Мангалам с детьми стояли у калитки, провожая нас взглядом и взмахами рук, и отвечали, будто бросая слова вслед, как обереги:

— Вернись Магом! Хара Хара Махадев!

Эти наши возгласы были не просто приветствием богам — они были отрицанием и непринятием слов гадалки, обещавшей мне приход мужчины под знаком Мага. «…Итог пока-

зывает мужчину (Маг), причём главного в твоей жизни (шестёрка жезлов). Этот мужчина — о нём можно сказать, что он „настоящий мужчина“ (Маг). Он умеет побеждать и заботиться о других. Этот мужчина придёт после того, кто привяжется, либо он и будет тем, кто к тебе привяжется».

Я не хотела этого «пришедшего». Практика давала мне возможность самой стать Магом. Я привыкла жить в одиночестве, без мужчины, привыкла к своей свободе, сокрушив свою страсть и похоть физического тела. Мне было хорошо жить так, как мы жили семьёй. Мои глаза уже долгие годы не поднимались, чтобы взглянуть на парня, мужчину, и рассмотреть в нём своего партнёра. Всегда, абсолютно всегда, вмешивался Шива или Нараяна, запрещая мне с кем бы то ни было связывать свою жизнь. И меня вполне устраивало, что они защищают и охраняют меня.

Но теперь я ехала туда, где горы сами станут моими учителями, где каждый шаг будет ответом на вопрос, который никто не задаёт вслух.

Глава 9. Дорога

Выехали мы в шесть вечера, когда солнце уже не жгло. До Бзоги добирались около двух часов. Сложность дороги начиналась ровно там, где заканчивался асфальт и под колёса ложилась каменистая тропа, прошитая корнями. Пять километров вдоль гор — казалось бы, пустяк, но здесь каждый метр был испытанием, а каждый поворот — маленьким откровением.

Мы катились по грунтовой дороге вдоль скал, и она будто проверяла нас: выдержит ли тело, выдержит ли дух. Машина ныряла в виражи, как лодка в волны: вправо, влево, вверх, вниз — заставляя внутренности сжиматься и разжиматься в такт серпантину. С одной стороны, гора, а с другой резкий обрыв, который с каждым подъёмом становился все выше.

Проезжая места обвалов, Брахмани сжимала руки, вцепившись в сиденье. Пальцы побелели, а взгляд не отрывался от дороги — она ловила каждый поворот, каждую неровность.

Встречные машины заставляли понервничать: разъехаться на такой узкой дороге было не так-то просто. Благо, сейчас мы прижимались к горе, а встречные машины, наоборот, крались по самому краю, где земля будто обрывалась в пустоту. Их водители сидели, вытянувшись вперёд, всматриваясь в каждый сантиметр пути, и даже сквозь закрытые стёкла

чувствовалось их напряжение.

Мы замирали, притормаживали, давали им проехать.

— Всё хорошо, — тихо сказала я, не отводя взгляда от дороги, но стараясь, чтобы голос звучал ровно, как ровная полоса асфальта, которой здесь не было. — Мы прижмёмся, пропустим. Тут все так ездят.

Она кивнула, не разжимая пальцев, но чуть-чуть расслабив плечи.

И вот встречная машина, наконец, проползла мимо, и мы снова тронулись вперёд, а когда мы наконец остановились и я вышла из машины, земля под ногами будто продолжала двигаться. Я шла, как по палубе в шторм: шаг, пауза, ещё шаг — и каждый раз казалось, что почва чуть-чуть ускользает.

— Ну как ты? — тихо спросила Брахмани, тоже делая осторожные шаги, будто проверяя, можно ли доверять земле.

— Как будто море пустили по земле, — усмехнулась я. — Идём по волнам.

Она кивнула, не споря. Здесь не нужно было объяснять: тот, кто проехал эти пять километров, уже всё понимал без слов.

На Бзогу мы приехали самыми последними. Таксисты уже вытащили все вещи наших туристов, и огромная куча чемоданов лежала прямо у входа, перед воротами двора Ваграма, парнишки с которым я договорилась ранее, что мы доберемся до него и там я оставлю свой автомобиль на хранение.

Девчонки и Мангал, сын Нараянги, уже пили кофе, которым их угощал хозяин дома. В воздухе витал густой аромат зёрен и чего-то домашнего, тёплого.

Я припарковав Гаруду, вышла из-за руля, чувствуя, как ноги ещё немного помнят тряску, а тело просит просто постоять ровно. Навстречу мне шёл с распростёртыми руками Ваграмчик:

— Шиванги, ты ли это?!

—Я это! — рассмеялась и переходя сразу к делу продолжила, — Я сейчас начну перевозить вещи и всех на КПП. После ты отвезёшь меня? Машину-то я у тебя брошу!

— Да, конечно, но это у тебя займёт много времени. Дорога до КПП плохая, а тебе надо минимум два раза съездить. Перевези вещи и парочку человек. Главное — вещи все отвези. Моя машина увезёт не более троих. Так вот, оставь двоих и по максимуму отвези вещи.

— Да, так и поступим! — согласилась я, и предложила загрузить по максимуму машину вещами и с собой взять только Брахмани. На КПП егеря, она не будет там одна, не должно быть и старшно.

И мы с Брахмани отправились в сторону КПП, оставив всех остальных в гостях у нашего друга.

Дорога до КПП была не маршрутом, а испытанием. Мы ползли со скоростью 20 км/ч, объезжая огромные дыры грунтовой дороги, будто кто-то специально выдолбил их, чтобы отсеять тех, кто не готов. Упавшие деревья, не до конца

убранные егерями и лесниками, лежали поперёк, как спящие звери, и приходилось каждый раз притормаживать, искать объезд, чувствовать, как машина цепляется за каждый сантиметр земли, чтобы не соскользнуть вниз.

Тридцать минут мы ползли только в одну сторону — и наконец достигли КПП. Здесь асфальт закончился совсем, и земля взяла своё: твёрдая, каменистая, равнодушная к нашим планам. Из дома егерей появились силуэты двух парнишек. Темнело быстро: горы закрывали закат, и сумерки наступали не постепенно, а сразу, будто кто-то резко опустил занавес. Видимость стала хуже, чем в обычные сумерки — словно сама местность не хотела, чтобы мы видели слишком много.

— Брахмани, надо всё быстро выгрузить. Мне нужно быстрее вернуться! — сказала я, чувствуя, как холод начинает пробираться под куртку.

Мы спешно открыли багажник и начали скидывать вещи с разложенного заднего сиденья. Сумки падали на землю с глухим стуком.

Егерь по имени Руслан подошёл ближе, вглядываясь в нас, пытаясь узнать знакомые лица.

— Добрый вечер. Это вас на Бабуке ждёт Серго Бармалян? Он звонил нам. Сказал, что спустил лошадей и ждёт вас там. Вы пешком пойдёте?

— Нет, нам бы трансфер какой-нибудь. Вы сможете отвезти нас? — спросила я.

— Да, за 8000 рублей, думаю, договоримся! — отвечал он, не торгуясь.

— На «шестьдесят шестом»? — уточнила я, потому что знала: старый ГАЗ-66 с лавками в кузове — единственный, кто здесь проедет.

— Да, на нём. Там в кузове лавки стоят для перевозки людей!

— Мне сейчас надо съездить за группой. Я всех перевезу — и поедем! Хорошо?

— Договорились! — ответил он и тут же принялся помогать Брахмани переносить вещи в кузов машины. Его движения были уверенными, привычными — будто он всю жизнь только и делал, что собирал чужие вещи и увозил их туда, где кончается асфальт.

А я поехала за остальными.

Снова та же ухабистая дорога, снова объезды, снова ощущение, что машина не едет, а карабкается вверх, цепляясь за каждый камень. Я сделала еще рейс и перевезла большую часть группы, а потом снова вернулась за оставшимися — теми двумя, которых Ваграмчик доставлял на КПП вместе со мной на его машине. Каждый рейс был как отдельная история: в темноте фары выхватывали из мрака то кусок скалы, то поваленное дерево, то чьи-то следы на обочине, и казалось, что дорога сама рассказывает нам, куда мы идём и что нас ждёт.

К тому времени, когда мы наконец собрали всех и вещи,

небо стало чёрным, а звёзды — не просто точками света, а свидетелями. И когда Руслан завёл свой «шестьдесят шестой», и кузов тихо скрипнул, принимая нас, я вдруг поняла: асфальт остался позади. Дальше начиналась настоящая дорога — та, что не обещает комфорта, но обещает приключение.

Комментарий от Брахмани

«Мой первый поход! В начале 2025 года Шиванги сказала, что летом идём в горы с великой миссией. Я сразу решила, что точно иду, — даже доли сомнений не было.

И потихоньку стала на эту тему говорить со своими родными. Для них это был, конечно, шок. Я одна — в горы, без связи. Почти все, как один, говорили, что это опасно, это страшно, это не нужно тебе. Но я твёрдо решила и поставила всех перед фактом: „Я иду! Это мне нужно! И это не обсуждается!“

И тут началось самое интересное: покупка спальника, кружки, обуви, билетов и так далее.

За несколько дней до отъезда у меня появилось волнение: вроде бы всё готово, все запасы куплены, со всеми договорились. Но только лишь когда я села в вагон, немного выдохнула. Хотя внутри ещё было переживание за подъём и за то, как останутся мои без меня.

Шиванги со своими подружками встретили нас с поезда, провели обряд Ягьи Ганеше — и всё завертелось с такой скоростью, что уже в первую ночь мы лежали в своих спаль-

никах под открытым небом, громко смеясь, ожидая утра, чтобы начать восхождение на лошадях. Это для меня было впервые.

Проснувшись утром, я ощутила своё переживание и страх. Меня пугали неизвестность пути, невозможность контроля над ситуацией и, конечно же, страх самого животного, на котором мне надо сидеть верхом, поднимаясь в горы. Но только когда я проехала некоторое время на лошади, я поняла, что нужно расслабиться и, самое главное, откинув страх, доверять моменту, доверять животному. Меня отпустило. Теперь в теле ощущалась только усталость и боль в мышцах.

Мы на месте, в балаганах. Какая там природная красота, воздух горный! Хотя погода пыталась нас напугать: первые дни, что мы провели на Фише, был то сильный дождь с градом, то мороз, то туман. Мы всё принимали. И последние три дня нашего похода стояла прекрасная тёплая погода — солнце согревало нас своими лучами.

На второй день пребывания в горах я заметила за собой, что, немного пройдясь, начинается жуткая одышка. И так было постоянно: шла я или работала — прямо задыхаюсь, и всё.

Всё это время думала: как я буду спускаться? С таким темпом — спущусь ли я вообще?

Утром перед спуском я проснулась с мыслями, что я смогу, я не подведу. И всю дорогу с гор по тропе „весёлого спуска“

шла третьей, вместе со всеми, убрав страх и громко крича мантры: „Ом Намах Шивая!“»

Глава 10. КПП Ручей Белый

От КПП Ручей Белый на «шестьдесят шестом» мы отправились в полуторачасовое путешествие до кордона Бабук Аул. Это место, где заканчивается дорога для машин и начинается пешая тропа ведущая только вверх. Я, Мангал, Нараянги и Брахмани залезли в кузов машины и ехали среди чемоданов, рюкзаков и прочего, а в салоне тряслись Шанти, Ульяна, Рукмини и Райна.

Темнота была кромешная — не та, что в городе, где всегда где-то горит фонарь, а настоящая, горная: плотная. Прохлада забиралась под куртки, и даже в пик лета мы сидели, кутаясь в ткань, будто это были не летние горы, а преддверие зимы. В кузове не было видно лиц друг друга — только силуэты, подсвеченные тусклым светом экранов телефонов, на которые мы записывали видео. Эти маленькие островки света делали ночь ещё гуще, ещё непрогляднее, но в этом странном полумраке нам было хорошо: весело, радостно, по-своему уютно.

— Брахмани, ты как? — крикнула я, стараясь перекрыть рёв мотора.

— Я супер! — отозвалась она, тоже почти крича, чтобы голос не утонул в грохоте. — Видели бы сейчас мои дети и муж, где и в чём я еду по лесу — в кузове машины!

Мы расхохотались, и этот смех прозвучал в темноте осо-

бенно звонко.

Наряянги включила телефон и начала снимать, как мы едем, как ветки то и дело хлещут по лицам. Я не раз отхватила древесного «леща» — терпела, но на видео у Наряянги всё равно срывался с языка мат.

— Девчонки, давайте видео запишем без мата! — смеялась Наряянги, продолжая снимать.

Мы кричали, смеялись, радовались друг другу и этому дикому, нелепому, но такому живому приключению. Стоял такой грохот смеха, что девчонки из салона попросили водителя спросить, всё ли у нас там в порядке и не потерялся ли кто по дороге.

— Ребята! У вас там всё хорошо? — высунулся из-за водительского сиденья Руслан.

— Ха-ха-ха! — разом засмеялись мы все, и смех снова смешался с рёвом двигателя.

— Всё хорошо! — крикнула я. — Просто живём на полную!

И мы снова двинулись в путь, под этот бесконечный рёв дизеля, а где-то вдалеке, будто в такт нашему движению, отозвался вой одинокого волка. Он не пугал, а скорее подтверждал: мы въехали в мир, где правят не люди, а горы и те, кто здесь живёт испокон веков.

— Держитесь, сейчас машина пойдёт в гору! Держитесь! — кричала я, зная дорогу, все её изгибы и трещинки, каждую коварную выбоину, которая могла швырнуть нас друг на

друга.

Грузовик наклонился, устремившись вверх, и нас качнуло назад. Мы все вцепились в борта, кто в дерево, кто в металлические скобы.

— А-а-а-а, как прикольно! — вопила Брахмани, и в её голосе было столько детского восторга, что он перекрывал даже страх.

— Держись, сынок! — крикнула Нараянги Мангалу.

— Всё хорошо, я хорошо держусь! — отвечал он, и в этом спокойном, уверенном голосе слышался взрослый стержень.

— Скоро снова поедем по ровной! А пока держитесь! — перекрикивались мы, подбадривая друг друга, превращая каждую трудность в повод для радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.